

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11

EDN: KQHANM

Динамика событийной структуры жизненного пути в России¹

Ссылка для цитирования: Андрееenkova А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

For citation: Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. Dynamics of the event structure of the life course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

SPIN-код: 5739-0033

Андрееenkova Анна Владимировна¹

¹Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

Anna.andreenkova@cessi.ru

SPIN-код: 3571-1338

Медведева Анна Александровна¹

¹Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

Anna.medvedeva@cessi.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа жизненно-событийной структуры поколений россиян на основе эмпирических данных Российского социального исследования (РСИ) волна 9, сопоставимого с ESS. Анализ показал, что календарь жизни ныне живущих поколений россиян довольно сильно структурирован – события происходят в определенные и довольно узкие интервалы времени и в определенной последовательности. Особенностью календаря жизни в России является высокая концентрация всех базовых событий первой фазы взрослой жизни на узком интервале времени, короткий период вступления во взрослую жизнь. События поздней стадии жизни показывают большее хронологическое разнообразие и сценарную вариативность. Были обнаружены значимые различия в жизненно-событийной матрице поколений в России,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, – лонгитюдное исследование через 30 лет».

среди которых увеличение среднего возраста наступления почти всех базовых жизненных событий, расширение границ возрастных жизненных этапов, удлинение пути взросления и перехода от зрелости к старости, а также диверсификация жизненных сценариев в профессиональной и семейно-брачной сферах. При сравнении индексов стандартизованности основных событий между поколениями был выявлен тренд на дестандартизацию жизненных путей – в старших поколениях уровень сходства значительно выше, чем среди молодых поколений. Основные изменения пришлись на поколение 1970–1979 гг. и ускорились в следующем поколении 1980–1989 гг. Возможными причинами могут быть макродемографические факторы, а также изменения в социально-экономических и исторических условиях, переход к постиндустриальному обществу. Тренд на дестандартизацию жизненных путей в старших поколениях затронул в первую очередь людей с более высоким уровнем образования, а в более молодых приобрел более широкий социально-классовый характер, гендерные различия стали проявляться в поколении 1980-х. Авторы выдвигают предположение, что увеличение дестандартизации жизненных путей может иметь разнонаправленные социальные и индивидуальные последствия. С одной стороны, новые возможности для развития, построение жизненного пути с учетом индивидуальных особенностей, талантов и желаний, большая гибкость жизненных траекторий, снижение нормативности и социального давления. С другой стороны, это может привести к росту неопределенности, социального напряжения, увеличению неравенств, углублению конфликта «отцов и детей», что повысит в обозримом будущем социальные риски.

Ключевые слова: жизненный путь, структурирование жизненного времени, жизненно-событийная матрица, календарь жизни, поколения, дестандартизация жизненного пути

Жизненный путь представляет собой хронологическую последовательность и сочетание событий, периодов и этапов в пределах срока жизни человека. Несмотря на внешнюю хаотичность и мозаичность жизни каждого отдельного лица, ее непредсказуемость и уникальность, систематическое сравнение жизненных путей людей говорит о значительной внутренней упорядоченности жизненных событий – их структурированности, и схожести между людьми – стандартизованности жизненного пути. Такое сходство может быть объяснено целым рядом факторов – общим физиологическим циклом жизни человека как биологического организма, логикой личностно-психологического развития, а также общностью социально-исторической среды, в которой проживают люди в конкретное время – нормативными, социальными, экономическими, политическими и юридическими факторами, которые ее образуют. Нормативные и институциональные условия жизни в конкретный период создают «контекстуальный купол» формирования человеческой жизни [14]. Переживание общих исторических событий на одном и том же жизненном этапе (общая историческая судьба) объединяет людей в поколения. Но в рамках заданного социокультурного контекста каждый человек строит свою жизнь индивидуально через жизненные выборы, цели, желания, планы и действия, каждое из которых влияет на последующие события и создает новые условия и возможности, либо ограничивает их.

Состояние изученности проблемы и теоретические основания исследования

Исследования жизненного пути стали популярны в социологии, начиная с 1960-х гг., и постепенно завоевывают лидирующие позиции в области изучения движения людей по возрастной лестнице и развития человека в целом, заменяя другие концепции, предложенные в рамках социальной психологии и демографии, такие как «жизненный цикл» (life cycle) или «продолжительность жизни» (life span). Терминологическое разнообразие в этом исследовательском направлении со временем только растет. Согласно анализу Д. Алвина, понятие «жизненный цикл» используется для изучения разных этапов развития человека в биологическом и психологическом плане, исследования изменений в человеке с течением жизни, а понятие «жизненный путь» применяется для динамического анализа социальных процессов микроуровня, выявления взаимосвязи развития людей и групп в зависимости от макросоциальной среды [8]. Любые терминологические споры условны и чаще всего относятся к научной традиции, в рамках которой развивается то или иное научное направление. В данной статье используется понятие «жизненный путь», понимаемое как хронологически выстроенная и взаимосвязанная совокупность событий и периодов в индивидуальной жизни, где каждое новое событие становится основой или причиной последующих, а вместе они образуют динамическую систему микроуровня, взаимосвязанную с макросоциальными процессами.

Одним из ключевых направлений в социологическом изучении жизненного пути является жизненно-событийный подход, в котором анализируются события жизни во взаимосвязи с изменяющимся историческим и социальным контекстом [1]. На примере ряда стран и сравнительных межстрановых исследований было показано, что календарь жизни людей исторически изменчив, отличается между разными странами [16], социальными группами – гендерными, образовательными, социально-классовыми [19]. В последние несколько десятилетий в структуре жизненно-событийной матрицы людей происходят серьезные изменения. Одно из основных изменений, показанное на примере западных стран, – индивидуализация жизненных траекторий, дестандартизация жизненных событий во времени, изменение их последовательности и включение новых событий и траекторий в сценарии жизненного пути [9; 17]. С конца 1960-х во многих странах стали меняться модели взросления, перехода от юности к взрослости [10]. Важной тенденцией является изменение частоты и распространенности жизненных событий – переход событий из категории редких в категорию стандартных или частых. Среди таких событий – распад семейных союзов, одиночное или приемное родительство, отказ от официального брака [4; 13; 18]. Семейно-брачный календарь менее стандартизирован, чем трудовой и образовательный, и различия между этими двумя сферами со временем усиливаются [12]. На изменения в семейно-брачном календаре основное влияние оказывает ослабление социальных норм и барьеров. В образовательно-профессиональном календаре структуриро-

ванность выше, а изменения связываются с трансформацией структуры экономики и занятости и реформами системы образования. Рост вариативности в событийном календаре жизни исследователи также связывают с увеличением общей нестабильности, ростом социетальных угроз и глобальных катаклизмов [11].

Как показывают предыдущие исследования, скорость происходящих изменений в жизненно-событийной матрице жизни в разных странах неодинакова [15]. В России многие изменения следуют общим глобальным тенденциям с некоторым отставанием по времени, но имеют и свои социально-культурные особенности [2]. Проблеме жизненного пути в России посвящено немало работ в области психологии и развития личности (Б. Г. Ананьев, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн). Глубокие лонгитюдные исследования образовательных и профессиональных траекторий берут начало в работах В. Н. Шубкина, М. Титмы, а настоящее время продолжают исследовательских проектах Д. Л. Константиновского, Г. А. Чередниченко и других. В работах целого ряда российских исследователей – А. И. Антонова, А. Б. Синельникова, А. В. Носковой, Т. К. Ростовской, В. Н. Архангельского, Т. А. Гурко и других, показаны изменения семьи и репродуктивного поведения, которые происходят как на индивидуальном уровне, так и между поколениями. Но комплексный жизненно-событийный подход к построению «календаря жизни» стал применяться в России относительно недавно, после того, как были получены эмпирические данные нескольких масштабных исследовательских проектов, позволяющих проводить межстрановые сравнения – исследования «Поколение и гендер», Российского социального исследования по программе ESS (ПСИ-ESS) и ряда других. В работах на основе этих данных показано, что общие направления изменений, происходящих в России, на этапе перехода к взрослой жизни, сходны с другими европейскими странами, но происходят позже и более низкими темпами [3]. В последние годы все больший интерес стал проявляться к исследованиям жизненного календаря поздней зрелости и старения [7]. Анализ отдельных событий или жизненных этапов позволяет глубоко изучить этот процесс, его причины и следствия, но не выстроить общую картину изменений в структуре жизненного пути.

Комплексный анализ структуры, особенностей и тенденций жизненно-событийной матрицы в России, проверка базовых гипотез о направлении и содержании происходящих изменений является основной целью этого исследования. Среди задач – определение направления и скорости изменений в хронологии жизненных событий разных сфер жизни, выделение событий, по которым происходят наиболее серьезные изменения. Основным методом исследования является анализ жизненно-событийной матрицы разных поколений россиян.

Методология исследования

Сравнение жизненно-событийной матрицы может проводиться на разных уровнях по степени детализации. На самом обобщенном уровне жизненная структура одинакова для всех и состоит из событий рождения и смерти, анализ ведется только в отношении длительности интервала между этими событиями для разных групп в социологических и демографических исследованиях продолжительности жизни. На базовом уровне находятся события, образующие «каркас» жизненно-событийной матрицы, на развернутом – все многообразие жизненных событий в их полноте – биографические исследования. Предметом данного исследования являются события базового уровня, которые включены в жизненный путь значительной части людей, если не большинства, и связаны с переходами из одного состояния в другое в социальном, экономическом, пространственном или социально-психологическом плане.

Представленный в статье анализ проводится на данных Российского социального исследования (РСИ), сопоставимого с ESS волна 9 (конец 2018 – начало 2019 гг.). РСИ проведен Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) как национальный опрос россиян 15 лет и старше методом личных интервью по месту жительства, размер выборки составил 2415 респондентов [5]. В опрос включены вопросы о том, в каком году произошли следующие события в жизни респондента: первая постоянная работа, уход из родительского дома, начало жизни с первым партнером, первый брак, первый ребенок, последний ребенок, первый внук, последняя работа. Вопросы задавались в зависимости от возраста респондента и предыдущих событий в жизни (наличие совершеннолетних детей для вопросов о внуках и т. п.). Вопросы об опыте развода и вдовства включены без уточнения времени наступления этих событий, как и показатель общей длительности получения образования.

Методические ограничения. Количество событий жизненного пути, которые могут быть включены в анализ на основе этих данных, относительно невелико. Измеряемые в РСИ события неравномерно распределены по жизненному пути: из восьми событий с вопросом о дате пять относятся к началу взрослой жизни, три – к концу. Неравномерно распределены события и по сферам жизни – шесть из них относятся к брачно-семейным отношениям и два к профессиональным. Ограниченное число показателей «календаря жизни» характерно для большинства формализованных количественных исследований. Поэтому при всех достоинствах использования данных масштабных количественных опросов, у нас есть возможность ответить лишь на часть исследовательских вопросов о динамике «календаря жизни», но не претендовать на то, чтобы описать происходящие процессы во всей их полноте.

Построение показателей, использованных в анализе. По каждому событию было построено несколько показателей, оценивающих структурированность и уровень стандартизованности события (УСд). К оценке структурированности относятся медианный возраст наступле-

ния события для респондентов, которые его испытали (возраст рассчитан как разница между годом, когда произошло событие и годом рождения респондента) и пропуск события – доля респондентов, в жизненный путь которых событие не входит, оно «пропущено». Мерами стандартизованности выступают возрастная вариативность события – стандартное отклонение от среднего значения по возрасту наступления события (степень разброса от средней); «медианный сценарий» – доля респондентов, которые попадают в «стандартный» сценарий события для каждого поколения – интервал медианы для поколения и фиксированной дисперсии (+-3 года); общая вариативность события – стандартное отклонение от средней по возрасту при учете ненаступления события. Для анализа события были разделены на две группы – события образовательно-профессиональной и семейно-брачной сфер.

В ходе анализа было запланировано проверить две группы гипотез. Гипотезы о трендах – происходят ли изменения жизненно-событийной матрицы между поколениями в сторону увеличения стандартизации или, напротив, намечается тренд к дестандартизации. Гипотеза о сферах жизни – насколько синхронно происходят изменения в уровне стандартизованности событий семейно-брачной и образовательно-профессиональной сфер. На основе опыта европейских стран и общего сходства в демографических и социально-структурных процессах можно предположить, что уровень стандартизованности событий в семейно-брачной сфере ниже и изменяется быстрее, чем в образовательно-профессиональной.

В анализ данных включены респонденты 1989 года рождения и старше и исключены те, кто родился после 1989 года и не достигли 30 лет к моменту опроса, так как для многих молодых респондентов изучаемые события еще не произошли и сравнение с другими поколениями для них невозможно или мало информативно.

Событийная структура и поколенные изменения в образовательно-профессиональной сфере жизни

Среди пяти изучаемых событий образовательно-профессиональной сферы четыре относятся к общим событиям жизненно-событийной матрицы – они входят в структуру жизненного пути подавляющего большинства респондентов, а одно событие – опыт безработицы, включено в жизненный путь меньшей части респондентов и поэтому характеризуется как специфическое событие. В отношении ухода с рынка труда относительно надежные сравнения возможны лишь для старших поколений (1949 г. и раньше и 1950–1959 г.), по другим поколениям различия в реализованности события очень велики. Такое событие, как отделение от родительской семьи, относится и к образовательно-профессиональной, и к брачно-семейной сферам, так как связано и с получением образования, и с формированием нового домохозяйства или семьи.

Три события раннего этапа жизненного пути – окончание образования, выход на рынок труда и отделение от родительской семьи – сконцентрированы на узком временном интервале при медианном возрасте в 20 лет (Табл. 1). При сходной медиане возрастная вариативность этих событий различна: довольно низкая в отношении длительности образования, выше в отношении выхода на рынок труда и высокая в отношении отделения от родительской семьи. Медианный возраст ухода с рынка труда составляет 59 лет без учета гендерных различий, которые закрепились в России законодательно, а также имеют отраслевую и профессиональную специфику. Медианная длительность трудовой жизни россиянина (интервал между выходом на рынок труда и ухода с рынка труда) составляет около 36 лет, то есть занимает около половины всего жизненного времени человека.

Возрастные границы и последовательность жизненных событий социально-профессиональной сферы постепенно меняются. Наибольшие изменения коснулись длительности образования – она последовательно росла в каждом новом поколении. Наименьшие изменения в медианном возрасте события отмечены в отношении выхода на рынок труда и отделения от родительской семьи. Если в старших поколениях преобладал линейный сценарий в последовательности событий «обучение – работа», то в последующих увеличилась фрагментация сценариев («обучение – работа – обучение» или совмещение работы и обучения). В старших поколениях профессиональный путь был относительно непрерывным. В более молодых поколениях в структуру жизненного пути входят вынужденные перерывы в работе – безработица: ее испытали 14% в старших поколениях и более трети в поколениях 1970-х годов и младше. Старшие группы россиян столкнулись с реальной или потенциальной безработицей в конце своей трудовой жизни, группы 1960–1969 гг. рождения – в его середине, а рожденные в 1960–1979 г. – в самом начале. Такие различия оказывают влияние на взаимосвязь с другими жизненными событиями и последствия безработицы: на выбор карьеры и построение жизненного пути в молодом возрасте, состояние брачно-семейных отношений в среднем возрасте, влияние на физическое здоровье и социально-психологическое самочувствие в старшем возрасте. В отношении ухода с рынка труда сравнение двух поколений – старшего (1949 г. и старше) и поколения 1950–1959 гг. показывает высокую стабильность медианного возраста события. Однако, можно предположить, что в последующих поколениях медианный возраст и возрастная вариативность увеличатся в результате общесоциальных (пенсионной реформы, дефицита кадров на рынке труда, состоянием сферы социального обеспечения) и индивидуальных факторов (усложнение профессиональных траекторий, условий и режима труда и материальных причин).

Таблица 1 (Table 1)

**Возраст наступления событий образовательно-профессиональной сферы
в разных поколениях**

*Age of occurrence of events in the educational and professional sphere
in different generations*

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше
ОБРАЗОВАНИЕ-ДЛИТЕЛЬНОСТЬ					
Медиана по количеству лет	14	13	13	12	11
Вариативность (станд. отклонение)	2,4	2,5	2,3	2,5	3,3
Медианный сценарий (%)	71	67	75	67	53
ПЕРВАЯ РАБОТА					
Медиана по возрасту	20	20	20	19	18
Пропуск события (%)	3	6	2	4	3
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,0	3,4	3,8	5,6	3,4
Медианный сценарий (%)	63	57	67	63	64
Общая вариативность (станд. отклонение)	4,5	5,9	4,6	6,8	4,5
УХОД ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА					
Медиана по возрасту	20	20	20	20	20
Пропуск события (%)	12	9	7	5	7
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	4,3	4,1	4,4	5,4	5,2
Медианный сценарий (%)	55	70	62	68	66
Общая вариативность	8,1	7,4	6,9	7,4	7,6
ОПЫТ БЕЗРАБОТИЦЫ (%)	35	35	30	20	14
УХОД С РЫНКА ТРУДА					
Медиана по возрасту			53	57	58
% работавших в 50 лет			79	83	81
% работавших в 65 лет				21	22
Пропуск события (%)	89	91	70	24	11
Возрастная вариативность (станд. отклонение)			7,8	6,8	9,0
Медианный сценарий (%)			14	39	39
Средняя длина трудового стажа (года)	12,9	22,4	32,3	37,4	40,0
Средняя длина трудового стажа на 35 лет		14,8	15,0	15,3	16,1
Средняя длина трудового стажа на 45 лет		24,1	24,6	24,9	25,7

Примечание. Размер выборки по поколениям – минимум 239 респондентов (самое старшее), максимум 462 (1980–1989). Подсчеты авторов статьи. Формулировки вопросов приведены в документации проекта, размещенные на сайте www.russiansocialsurvey.ru.

Уровень стандартизованности (УСд) событий социально-профессиональной сферы довольно высок. Общая вариативность длительности образования составляет 2,4 пункта, выхода на рынок труда – 3,6 пунктов, наполненность медианного сценария – 67% и 64% соответственно. УСд трех других событий этой сферы ниже.

Изменения в уровне стандартизованности событий социально-профессиональной сферы между поколениями разнонаправлены. Стандартизованность увеличилась в молодых поколениях в отношении длительности образования и выхода на рынок труда, но сократилась в отношении отделения от родительской семьи. Периоды вынужденной безработицы охватывают все большую долю респондентов в каждом новом поколении, что ведет к дестандартизации профессиональных путей. В отношении межпоколенных различий в длительности пребывания на рынке труда и времени ухода с рынка труда убедительных данных пока мало, но косвенные признаки говорят о росте дестандартизации.

Событийная структура и поколенные изменения в семейно-брачной и репродуктивной сфере

События семейно-брачной сферы на ранних этапах взрослой жизни охватывают более широкий возрастной интервал, чем события образовательно-профессиональной сферы. У большинства респондентов образовательные и профессиональные события предшествуют брачно-семейным, хотя близки по срокам. Вместе эти события образуют период высокой концентрации жизненных переходов и решений на этапе ранней взрослости.

Состав и структура событийной матрицы в брачно-семейной и репродуктивной сфере претерпели значительные изменения при сравнении поколений. Количество событий семейно-брачной сферы молодых поколений меньше, чем в старших. В старших поколениях такие события как первые длительные отношения с партнером, вступление в брак, рождение первого ребенка, рождение последующих детей и рождение внуков являлись частью жизненно-событийной матрицы большинства респондентов. Начиная с поколения 1970-х, наметилась тенденция к увеличению пропуска части событий этой сферы. В частности, доля тех, кто не вступал в брак, выросла с 3% в самых старших поколениях до 16% в поколении 1970-х и 27% в самом младшем поколении. Доля не родивших ребенка изменялась с 13% в самом старшем поколении до 27% и 33% в двух самых молодых (хотя для части респондентов этого поколения эти события могут быть пока не реализованы). Рождение двух и более детей не вошло в событийную матрицу 38% респондентов в самом старшем поколении и 59% в поколении 1970-х (о самом молодом поколении пока говорить рано, но вероятна тенденция к дальнейшему росту). Рождение внуков не стало частью жизненно-событийной матрицы 12% в самом старшем поколении, 28% в поколении 1950-х и 52% в поколении 1960-х. Средний возраст этого события повышается – к 45 годам имели внуков 19% в самом старшем поколении и 11% в поколениях 1960-х и 1970-х.

Событие, которое стало более часто включаться в жизненно-событийную матрицу, – распад брачного союза. Доля респондентов, которые имеют опыт развода, выросла с 14% в самом старшем поколении до 35% в поколении 1960-х. В последующих поколениях включение такого события в жизненный путь снизилось (27% в поколении 1970-х и 17% в поколении 1980-х) на фоне резкого роста незаключенных союзов. В отношении другого вида распада брачного союза – вдовства, выделить тенденции без информации о возрасте наступления события гораздо сложнее. В самом старшем поколении доля тех, кто испытал вдовство, достигает 55%, в более младших поколениях доля значительно меньше, но, наиболее вероятно, это связано с неполной реализованностью события, напрямую связанной с возрастом. Однако, есть основания полагать, что включенность этого события в жизненный путь в младших поколениях будет меньше.

Изменения в возрастных границах событий и их последовательности. Помимо изменений в составе и структуре событий в брачно-семейной сфере, заметные изменения произошли в возрастных границах и последовательности событий. Одним из таких изменений является трансформация базового сценария в семейно-брачной сфере на этапе ранней взрослости, доминирующего в старших поколениях: раннее вступление в брак близко к окончанию образования (медиана 22 года), рождение первого ребенка сразу после или до вступления в брак и отделение от родительской семьи как результат заключения брака. В последующих поколениях доля сценариев, когда начало жизни с партнером предшествует выходу на рынок труда, увеличилось более чем в два раза: 6% в самом старшем поколении и 18% в поколении 1970–1979 гг., что, наиболее вероятно, связано с увеличением длительности получения образования. Другим заметным изменением стала взаимосвязь первых партнерских отношений и брака. В старших поколениях первые партнерские отношения и брак совпадали по времени для большинства респондентов и составляли одно событие. Начиная с поколения 1970-х, ситуация начала стремительно, по меркам демографических процессов, меняться в сторону расхождения возраста наступления этих событий.

Существенные изменения претерпела взаимосвязь и последовательность событий «брак-первый ребенок». В самом старшем поколении медианный возраст первого ребенка на год меньше медианного возраста первого брака – что реализовано в более чем 80% случаев. В последующих поколениях медианный возраст событий увеличился, как и возрастная вариативность. Сценарий «брак-первый ребенок» сократился до 60% в поколении 1970-х, но увеличилась доля сценариев, когда вместо парного события «брак-ребенок» реализовывалось лишь одно из них – ребенок без брака или брак без детей.

В жизни поколений произошли изменения в длительности реального репродуктивного возрастного интервала. Общий интервал рождения детей, оцененный как медианные границы рождения первого и последнего ребенка, составил 6 лет, между 23 и 29 годами. В старшем поколении в этот интервал попадали 74% имеющих более 1 ребенка, в поколении 1970-х – 57%. Медианный возраст рождения первого внука колеблется вокруг 49 лет и высока вероятность, что этот возраст повышается, хотя точные оценки сделать пока трудно из-за различий в реализованности события для разных поколений.

Таблица 2 (Table 2)

Возраст наступления событий брачно-семейной сферы в разных поколениях
Age of occurrence of events in the marital and family sphere in different generations

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше
НАЧАЛО ЖИЗНИ С ПЕРВЫМ ПАРТНЕРОМ					
Медиана по возрасту	23	22	22	22	22
Пропуск события (%)	14	6	4	4	2
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,9	4,2	3,8	3,8	3,8
Медианный сценарий (%)	50	65	74	69	74
Общая вариативность (станд. отклонение)	8,8	6,7	5,8	5,7	5,0
ПЕРВЫЙ БРАК					
Медиана по возрасту	25	23	22	22	22
Пропуск события (%)	27	16	7	5	3
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,7	4,8	3,8	4,6	4,6
Медианный сценарий %	45	52	69	69	74
Общая вариативность (станд. отклонение)	11,4	9,8	6,9	6,7	5,9
ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК					
Медиана по возрасту	26	24	24	24	23
Пропуск события (%)	33	13	9	8	6
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,8	4,9	3,9	4,2	4,1
Медианный сценарий (%)	43	48	65	61	73
Общая вариативность (станд. отклонение)	12,3	9,7	7,8	7,8	7,1
ОПЫТ РАЗВОДА (%)	17	27	35	26	14
ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК					
Медиана по возрасту	30	31	28	29	29
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,4	5,7	5,0	4,6	5,2
Пропуск события (%)	68	59	50	44	38
Медианный сценарий (%)	21	16	30	35	36
Общая вариативность (станд. отклонение)	14,0	15,9	15,1	14,9	14,9
ПЕРВЫЙ ВНУК					
Медиана по возрасту		41	47	49	48
Возрастная вариативность (станд. отклонение)		2,6	3,9	6,3	7,2
% к 45 годам		10	12	16	19
% к 65 годам				74	84
Пропуск события (%)	100	94	52	28	12
Медианный сценарий (%)		6	35	37	46

Примечание. Формулировки вопросов приведены в документации проекта, размещенные на сайте www.russiansocialsurvey.ru. Медианный сценарий первого брака рассчитан как брак в медианном интервале до рождения детей, первого ребенка – как рождение ребенка в медианном интервале после заключения брака.

Оценки стандартизованности брачно-семейной и репродуктивной сферы. События этой сферы существенно отличаются по уровню стандартизованности события (УСд) – он значительно выше для событий ранних этапов взрослости и ниже для событий зрелых и старших этапов. Такие события как начало жизни с партнером, первый брак и рождение первого ребенка в старших поколениях показывают высокий уровень стандартизованности: в медианный сценарий попадают около трех четвертей опрошенных. Значительные изменения происходят в поколении 1970-х – наполненность медианного сценария падает для всех событий, но с разной скоростью. Если в отношении начала жизни с партнером падение не столь велико (65%), в отношении брака оно более существенно (до 52%), в отношении первого ребенка – очень велико (лишь 48% попадают в медианный сценарий). В поколении 1980-х этот тренд усилился. Общая вариативность событий существенно возросла, особенно в отношении первого брака: стандартное отклонение в 5,9 пунктов в самом старшем поколении, 9,8 пунктов в поколении 1970-х и 11,4 в самом молодом, в отношении первого ребенка – 7,1, 9,7 и 12,3 пунктов соответственно. Уровень стандартизованности события таких событий как последний ребенок и первый внук довольно низкий, в медианный сценарий попадают меньше половины респондентов даже в самом старшем поколении, в поколении 1970-х наполненность медианного сценария составляет лишь 16% в отношении последнего ребенка и 35% – первого внука. События этой сферы на этапах ранней взрослости гораздо более стандартизованы, чем события поздних возрастных этапов для всех поколений.

Данные говорят о том, что в семейно-брачной и репродуктивной сфере жизни происходят очень существенные изменения, которые затронули в первую очередь поколения 1970-х, но продолжают расширяться в поколении 1980-х. Изменения касаются состава событий и их последовательности, медианного возраста событий и их возрастной и общей вариативности. Сравнение уровня стандартизованности в разных сферах жизни и по разным событиям показывает, что гипотеза об асинхронной динамике в семейно-брачной и образовательно-профессиональной **подтвердилась**. Дестандартизация событий семейно-брачной сферы в каждом новом поколении идет значительно быстрее, чем в образовательно-профессиональной сфере, где процессы дестандартизации происходят одновременно с противоположно направленными процессами.

Поколенные изменения в структуре жизненного пути в России – стандартизация или дестандартизация?

В исследованиях «календаря жизни» последних лет выдвинуты две альтернативные теории о направлении процесса изменений в событийной структуре жизненного пути. В рамках первой гипотезы утверждается, что сходство в событийной структуре жизни, времени наступления событий и их последовательности, растет. Другая гипотеза, которая находит под-

тверждение в целом ряде стран, говорит о дестандартизации жизненного пути, его индивидуализации и деинституционализации. Эмпирические доказательства и той, и другой теории пока довольно противоречивы в отношении разных сфер жизни, событий и стран.

Для проверки этих гипотез в России нами были построены два Индекса стандартизованности жизненного пути – на этапе ранней взрослости для всех поколений (ИСЖ1) и на всем протяжении жизненного пути, но только для старших поколений, для которых эти события уже в значительной степени реализованы (ИСЖ2). Индекс строился путем суммирования баллов за попадание в «медианный сценарий» по событиям: первая работа, уход из родительского дома, длительность получения образования, первый партнер, брак, первый ребенок, отсутствие опыта развода, отсутствие опыта безработицы (как доминирующие сценарии), рождение более 1 ребенка. Для ИСЖ2 были добавлены такие события как наличие внуков (для рожденных в 1960 г. и позже – на момент опроса, для рожденных раньше 1960 г. – на возраст в 45 лет) и уход с рынка труда (+2 года от 55 для женщин и от 60 для мужчин). Каждый Индекс был преобразован в шкалу от 1 до 10, где 1 означает низкий уровень стандартизованности, а 10 – высокий.

Общий уровень стандартизованности жизненного пути находится на уровне выше среднего для раннего этапа жизненного пути (6,3 по ИСЖ1) и чуть ниже средней по ИСЖ2 (5,4 при среднем значении шкалы в 5,5). Сравнительный анализ ИСЖ1 и ИСЖ2 по поколениям показывает снижение уровня стандартизованности: с 7,0 в самом старшем поколении до 5,6 в самом младшем по ИСЖ1, падение поступательно и составляет 0,2–0,5 пунктов в каждом поколении, с уровня 6,1 до 4,6 в поколении 1970-х по ИСЖ2 (Табл. 3). Скорость изменения ИСЖ2 в поколении 1970-х значительно выше, чем в предыдущих поколениях (0,9 пунктов), хотя это может быть связано с незавершенностью событий старшего возраста для этого поколения, и тогда по прошествии времени мы ожидаем увидеть дальнейшее падение индекса.

Таблица 3 (Table 3)

Стандартизованность событий жизненного пути в разных поколениях – ИСЖ1 и ИСЖ2

Standardisation of life course events in different generations – ILC1 and ILC2

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше	По всем поколениям
Индекс стандартизованности жизненного пути в период ранней взрослости (ИСЖ1)	5,6	5,9	6,3	6,5	7,0	6,3
Статистическая значимость различий в значении Индекса между поколениями (ANOVA)	**	**			**	F= 27.313, Sig. = .000
Индекс стандартизованности на всех этапах жизненного пути (ИСЖ2)	-	4,6	5,5	5,7	6,1	5,4
Статистическая значимость различий в значении Индекса между поколениями (ANOVA)		**			**	F= 37.512, Sig. = .000

Результаты теста ANOVA. Разница средних между поколениями 1960–1969 и 1950–1959 статистически не значима, во всех остальных случаях значимость <0.05 .

Межгрупповые различия в стандартизованности жизненно-событийной сетки. Для проверки значимости межгрупповых различий в уровне стандартизованности события жизненного пути проведен регрессионный анализ, где зависимыми переменными выступали ИСЖ1 и ИСЖ2, а независимыми – пол, поколения (1 – младшее, 5 – старшее), образование (1 – <8 классов, 2 – 10 классов, 3 – ПТУ, 4 – техникум, 5 – высшее), социальный класс (достигнутый уровень на момент опроса, самоопределение по категориям 1 Рабочие, 2 Крестьяне, 3 Предприниматели, 4 Руководители, 5 Служащие, 6 Интеллигенция). Гендерные различия в календаре жизни были показаны по многим жизненным событиям и во многих странах, в том числе в России [6]. Образовательные траектории могут влиять на общий жизненный путь с точки зрения как направления для траектории жизни и структурирования событий во времени, так и культурного капитала и рационального планирования жизни. Социально-классовое положение человека, как начальное (родительский капитал), так и достигнутое, служит показателем социальных возможностей и широты выбора, поэтому можно предположить, что группы с более высоким социальным положением более свободны в структурировании своего жизненного пути, их путь более индивидуально вариативен.

Результаты регрессионного анализа по всем поколениям показывают, что поколенные различия остаются наиболее значимыми даже при учете других факторов, включенных в регрессионный анализ (Табл. 4). Уровень стандартизованности жизненного пути на его ранних этапах статистически значимо связан с социально-классовым положением, но не с уровнем образования. Гендерные различия оказались невелики – статистически значимы по ИСЖ2, но не по ИСЖ1.

Чтобы проследить изменения межгрупповых различий в ИСЖ во времени, был проведен регрессионный анализ независимо по каждому поколению (Табл. 4). Межгрупповые различия в уровне стандартизованности жизненного пути в самом старшем поколении россиян минимальны – относительно высокий уровень характерен для всех изучаемых групп. Дифференциация начала расти в поколении 1960–1969 гг. и важную роль в этом сыграло развитие профессионального образования. В этом поколении ИСЖ1 среди респондентов, имеющих профессиональное образование любого уровня, значимо ниже, чем у людей только с общим образованием (6,9 и 6,1 соответственно), различия в ИСЖ2 меньше, но также значимы (5,3 и 5,7). В поколении 1970–1979 гг. на первое место вышли социально-классовые различия: уровень стандартизованности жизненных событий существенно сократился у рабочих и работников сельского хозяйства и в меньшей степени в других группах. В самом молодом поколении основные различия связаны с образованием (между людьми с высшим уровнем образования и без него) и гендером.

Таблица 4 (Table 4)

Социально-демографические факторы и ИСЖ – результаты регрессионного анализа
Socio-demographic factors and ILC – results of regression analysis

Факторы	ВСЕГО		1980–1989		1970–1979		1960–1969		1950–1959		1949 и раньше	
	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.
ИСЖ1												
Поколения	0,25 ***	0,000										
Образование	0,04	0,057	0,22 ***	0,000	0,13 **	0,008	-0,11 *	0,038	-0,07	0,196	0,01	0,910
Пол	-0,02	0,344	-0,16 **	0,001	0,09	0,061	0,07	0,173	-0,06	0,243	-0,07	0,303
Социальный класс	-0,06 **	0,009	-0,07	0,113	-0,11 *	0,020	-0,51	0,312	-0,02	0,684	0,01	0,912
R2	0,061		0,073		0,04		0,018		0,011		0,005	
Константа	5,12		5,08		4,73		6,54		7,35		7,43	
Стандартная ошибка оценки	0,21		0,37		0,38		0,47		0,46		0,53	
ИСЖ2												
Поколения	0,24 **	0,000										
Образование	-0,04	0,189			0,11 *	0,021	-0,15 **	0,002	-0,11 *	0,037	-0,039	0,555
Пол	0,06 *	0,035			0,09	0,067	0,13 **	0,009	-0,03	0,556	-0,027	0,677
Социальный класс	-0,06 *	0,014			-0,15 **	0,003	-0,03	0,568	-0,04	0,486	0,02	0,791
R2	0,075				0,044		0,039		0,016		0,002	
Константа	3,77				3,65		5,64		6,55		6,44	
Стандартная ошибка оценки	0,29				0,36		0,48		0,47		0,56	

Проведенный анализ показал, что гипотеза о постепенной дестандартизации базовой жизненно-событийной матрицы находит подтверждение при сравнении разных поколений россиян. По событиям периода ранней взрослости изменения происходят последовательно в каждом новом поколении и общее снижение уровня стандартизованности очень существенно. По событиям зрелых и поздних этапов уровень стандартизации был изначально ниже, изменения проходят также в направлении дестандартизации, но менее равномерно по поколениям.

Трансформационные процессы в календаре жизни российских поколений – скорость, направления, содержание

Данное исследование показало, что календарь жизни россиян всех ныне живущих поколений, включенных в исследование, довольно сильно структурирован – почти все события, включенные в анализ, происходят у большинства респондентов в определенной последовательности на довольно ограниченном возрастном отрезке. Хронологическая структурированность особенно велика для событий ранней взрослости. События поздней стадии жизни показывают более значительное хронологическое разнообразие и разброс, а также сценарную вариативность.

Особенностью календаря жизни в России является высокая концентрация всех базовых событий в первой фазе взрослой жизни на узком интервале времени. Переход от подростковой и юношеской стадии к взрослости можно назвать стремительным – подавляющее большинство россиян проходит все этапы получения профессионального образования, выходит на рынок труда и начинает свой трудовой путь, осуществляет поиск партнера и создает семьи между 18 и 24 годами. Россия вступила в стадию второго демографического перехода позднее, чем многие другие европейские страны, в результате почти все взрослые поколения россиян прошли основные этапы взросления до начала перехода, серьезные изменения стали происходить только в поколениях, взрослевших в новых социально-экономических условиях. Изменения связаны с увеличением среднего возраста наступления почти всех базовых жизненных событий, расширением границ возрастных жизненных этапов (такие события служат важными маркерами такого перехода) – удлинением «пути взросления», «перехода от зрелости к старости», а также диверсификацией жизненных сценариев.

Сравнение жизненно-событийной матрицы разных поколений россиян показало тренд на дестандартизацию жизненных путей. Для поколений, жизненный путь которых проходил в основном в советский период в условиях индустриального развития и политики стимулирования равенства и сглаживания межгрупповых различий в образе и условиях жизни, характерен довольно высокий уровень сходства базовой жизненно-событийной матрицы – стандартизованности жизненного пути. Поколения, рожденные в 1970-х годах и позже, живут в период экономических и политических трансформаций российского общества, глобальных демографических изменений и перехода к постиндустриальному обществу, что отражается на диверсификации условий жизни, увеличении различий в индивидуальном жизненном выборе, ослаблении групповой нормативности. Тренд на дестандартизацию затронул в первую очередь людей с более высоким уровнем образования, а затем приобрел более широкий социально-классовый характер. Гендерные различия в отношении уровне стандартизованности в старших поколениях невелики, но стали сильнее проявляться в молодом поколении 1980-х – процесс дестандартизации жизненных путей затронул женщин в большей степени, чем мужчин.

Несмотря на то, что многие изменения в жизненно-событийной сфере происходили последовательно во всех поколениях россиян, особенно заметными они стали в поколении родившихся в 1970–1979 гг. Именно в этом поколении количественные изменения приобрели качественный характер, стандартизованность жизненных путей уменьшилась, что имело как позитивные, так и негативные последствия – снижение предсказуемости, стабильности и безопасности. В самом молодом поколении в анализе – 1980–1989 гг. большинство процессов еще ускорилось, но изменения происходят в уже более устоявшейся и понятной макросреде, что позволило новому поколению легче адаптироваться к изменяющимся требованиям и условиям. Происходящие изменения в жизненно-событийной матрице поколений связаны как с макродемографическими процессами, так и с конкретно-политическими, экономическими и социальными. Неизбежным следствием различий в особенностях жизненного пути и жизненного опыта поколений является высокая конфликтность и межпоколенные противоречия.

Зафиксировав общий тренд на дестандартизацию жизненных путей, пока трудно определить какой именно вид она примет – межгрупповой фрагментации или полной индивидуализации. В сфере образования и начала трудовой деятельности вероятен рост фрагментации по траекториям образования, при этом стандартизованность событий внутри одной траектории может сокращаться, а между траекториями – увеличиваться. На последующих стадиях жизни профессиональные траектории преобразуются в довольно сложную структуру, где можно говорить об индивидуализации, хотя пока такое утверждение является лишь гипотезой. Тенденцией последних десятилетий является более частая смена мест работы, чем раньше, географическая трудовая мобильность, а также усложнение путей выхода с рынка труда. Начиная с 1990-х гг. сталкиваются два разнонаправленных процесса – ускоренный уход из трудовой деятельности части населения из-за структурных изменений в экономике и удлинение этого этапа для другой части из-за индивидуальной экономической необходимости, либо высокой востребованности отдельных групп специалистов, которых нечем заменить.

Новые тенденции по дестандартизации жизненных путей россиян могут иметь самые разные социальные и индивидуальные последствия, которые только предстоит определить и осмыслить. С одной стороны, увеличение разнообразия жизненных путей может привести к росту социального напряжения, увеличению неравенств, а также к усилению вечного конфликта «отцов и детей». С другой стороны, открываются новые возможности для развития – новых вариантов и сценариев, преодоления старых ошибок и проблем, движения к более многообразному обществу. Более глубокий анализ возможных последствий происходящих изменений требует специальных исследований и более детальных эмпирических данных, что открывает широкую исследовательскую перспективу в этом научном направлении.

Библиографический список

1. Андрееенкова А. В. Исследования жизненного пути – концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: 10.19181/snsr.2024.12.1.1; EDN: ADRPHA.
2. Захаров С. В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе / Науч. ред. А. В. Андрееенкова, Л. А. Беляева. Москва: Academia, 2009. С. 347–380. EDN: DFTWPX.
3. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. № 6(4). С. 53–82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427; EDN: GSPPFS.
4. Носкова А. В. Меняющиеся семейные отношения — гендер и поколения // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 158–160. EDN: YGAMXJ.
5. Российское социальное исследование, сопоставимое с ESS: официальный сайт проекта. Москва, 2024. URL: <http://russiansocialsurvey.ru/> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Родионова Л. А., Копнова Е. Д. Гендерные и региональные различия в ожидаемой продолжительности жизни в России // Вопросы статистики. 2020. № 27(1). С. 106–120. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120; EDN: JSPKMQ.
7. Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №5(171). С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
8. Alwin D. F. Life Course, life cycle, life history, life span and life stage // Encyclopedia of Sciences and Religions. Dordrecht: Springer, 2013. P. 1167. DOI: 10.1007/978-1-4020-8265-8_201175.
9. Beck U. Risk society, towards a new modernity. Thousand Oaks, CA: Sage, 1992. 260 p.
10. Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // Advances in Life Course Research. 2010. No. 15(2-3). P. 59–75. DOI: 10.1016/j.alcr.2010.10.003.
11. Blossfeld H.-P., Hofmeister H. Globalization, uncertainty and women's careers: an international comparison. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006. 475 p.
12. Bras H., Liefbroer A., Elzinga C. H. Standardization of pathways to adulthood? An analysis of Dutch cohorts born between 1850 and 1900 // Demography. 2010. No. 47(4). P. 1013–1034. DOI: 10.1007/BF03213737.
13. Furstenberg Jr. F. F. On a new schedule: Transitions to adulthood and family change // The future of children. 2010. No. 20(1). P. 67–87. DOI: 10.1353/foc.0.0038.

14. Kohli M., Meyer J.W. Social structure and social construction of life stages // *Human Development*. 1986. No. 29. P. 145–149. DOI: 10.1159/000273038.

15. Kogan I., Noelke C., Gebel M. (eds) *Making the Transition: Education and Labor Market Entry in Central and Eastern Europe*. Stanford University Press, 2011. 432 p. DOI: 10.2307/j.ctvqsdktc.

16. Lesnard L., Cousteaux A-S. et al. Do Transitions to Adulthood Converge in Europe? An Optimal Matching Analysis of Work – Family Trajectories of Men and Women from 20 European Countries // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 355–369. DOI: jcw003.10.1093/esr/jcw003.

17. Macmillan R., Copher R. Families in the life course: Interdependency of roles, role configurations, and pathways // *Journal of Marriage and Family*. 2005. No. 67(4). P. 858–879. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00180.x.

18. Settersten R. A., Furstenberg F. F., Rumbaut R. G. *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research, and Public Policy*. University of Chicago Press, 2006. 504 p.

19. Spéder Z., Murinkó L., Settersten R. A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries // *Social Forces*. 2014. No. 92(3). P. 873–898. DOI: 10.1093/sf/sot100.

Получено редакцией: 03.11.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреенкова Анна Владимировна, доктор социологических наук, заместитель директора

Медведева Анна Александровна, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11

Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia¹

Anna V. Andreenkova

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia

Anna.andreenkova@cessi.ru

ORCID: 0000-0002-6776-7703

Anna A. Medvedeva

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia

Anna.medvedeva@cessi.ru

ORCID: 0009-0004-3675-5904

For citation: Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. Dynamics of the event structure of the life course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared with the support of the RSF grant 23-18-00635 “Life path, values, and expectations of the generation growing up in the 1990s – a longitudinal study after 30 years”.

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the life-event structure of generations of Russians based on empirical data from the Russian Social Survey (RSS) wave 9, comparable with ESS. The analysis showed that the life calendar of currently living generations of Russians is quite strongly structured – events occur in certain and rather narrow time intervals and in a certain sequence. A feature of the life calendar in Russia is a high concentration of all the basic events of the first phase of adult life in a narrow time interval, a short period of entry into adulthood. Events of the late stage of life show greater chronological diversity and scenario variability. Significant differences in the life-event matrix of generations in Russia were found, including an increase in the average age of onset of almost all basic life events, an expansion of the boundaries of age-related life stages, an extension of the path of growing up and the transition from maturity to old age, as well as diversification of life scenarios in the professional and family-marital spheres. When comparing the indices of standardisation of the main events between generations, a trend towards destandardisation of life paths was revealed: in older generations, the level of similarity is significantly higher than among younger generations. The main changes occurred in the generation of 1970–1979 and accelerated in the next generation of 1980–1989. Macro-demographic factors, as well as changes in socio-economic and historical conditions, the transition to a post-industrial society might be named among possible reasons. The trend towards destandardisation of life paths in older generations primarily affected people with a higher level of education, while in younger generations it acquired a broader social and class character; gender differences began to appear in the generation of the 1980s. The authors suggest that the increase in destandardisation of life paths may have multidirectional social and individual consequences. On the one hand, new opportunities for development, building a life path taking into account individual characteristics, talents and desires, greater flexibility of life trajectories, a decrease in normativity and social pressure. On the other hand, this may lead to increased uncertainty, social tension, increased inequalities, and a deepening conflict between “fathers and children,” which will increase social risks in the foreseeable future.

Keywords: life course, structuring of life time, life events matrix, timing of life, generations, destandardization of life course

References

1. Andreenkova A. V. Life course studies – conceptual and methodological approaches and solution. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2024: 12(1): 6–24 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.1; EDN: ADRPHA.
2. Zakharov S. V. Cennostno-normativnye «raspisaniya» chelovecheskoj zhizni: predstavleniya zhitelej raznyh stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloj [Value-normative timing of human life: perceptions of residents of different countries about how girl become adult]. *Rossiya v Evrope* [In Russia in Europe]. Ed. by A. V. Andreenkova, L. A. Belyaeva. Moscow, Academia, 2009: 13–46 (in Russ.).
3. Mitrofanova E. S. Models of transition to adulthood of different Russian generations. *Demograficheskoe obozrenie*, 2019: 64(4): 53–82 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427; EDN: GSPPFS.
4. Noskova A. V. Changing family relations – gender and generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2: 158–160 (in Russ.). EDN: YGAMXJ.
5. RSS Russian Social Survey comparable with ESS: official website of the project. Moscow, 2024. Accessed 15.08.2024. URL: <http://russiansocialsurvey.ru/> (in Russ.).
6. Rodionova L. A., Kopnova E. D. Gender and Regional Differences in the Life Expectancy in Russia. *Voprosy statistiki*, 2020: 27(1): 106–120 (in Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120; EDN: JSPKMQ.
7. Sinyavskaya O. V., Chervyakova A. A. Active Aging in Russia during Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 5: 94–121 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
8. Alwin D. F. Life Course, life cycle, life history, life span and life stage. In *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht, Springer, 2013: 1167. DOI: 10.1007/978-1-4020-8265-8_201175.
9. Beck U. *Risk Society, Towards a New Modernity*. Thousand Oaks, CA, Sage, 1992: 260.
10. Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 2010: 15(2-3): 59–75. DOI: 10.1016/j.alcr.2010.10.003.
11. Blossfeld H. P., Hofmeister H. *Globalization, uncertainty and women's careers: an international comparison*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006: 475.

12. Bras H., Liefbroer A., Elzinga C. H. Standardization of pathways to adulthood? An analysis of Dutch cohorts born between 1850 and 1900. *Demography*, 2010: 47(4): 1013–1034. DOI: 10.1007/BF03213737.
13. Furstenberg Jr. F. F. On a new schedule: Transitions to adulthood and family change. *The future of children*, 2010: 20(1): 67–87. DOI: 10.1353/foc.0.0038.
14. Kohli M., Meyer J. W. Social structure and social construction of life stages. *Human Development*, 1986: 29: 145–149. DOI: 10.1159/000273038.
15. Kogan I., Noelke C., Gebel M. (eds). *Making the Transition: Education and Labor Market Entry in Central and Eastern Europe*. Stanford University Press, 2011. DOI: 10.2307/j.ctvqsdktc.
16. Lesnard L., Cousteaux A-S. et al. Do Transitions to Adulthood Converge in Europe? An Optimal Matching Analysis of Work– Family Trajectories of Men and Women from 20 European Countries. *European Sociological Review*, 2016: 32: 3: 355–369. DOI: jcw003.10.1093/esr/jcw003.
17. Macmillan R., Copher R. Families in the life course: Interdependency of roles, role configurations, and pathways. *Journal of Marriage and Family*, 2005: 67(4): 858–879. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00180.x.
18. Settersten R. A., Furstenberg F. F., Rumbaut R. G. *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research, and Public Policy*. University of Chicago Press, 2006: 504.
19. Spéder Z., Murinkó L., Settersten R. A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries. *Social Forces*, 2014: 92(3): 873–98. DOI: 10.1093/sf/sot100.

The was submitted on: November 3, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Andreenkova, Doctor of Sociological Sciences, Vice director

Anna A. Medvedeva, senior researcher